

Рома Митла

Зиля

Рома Митла

Зиля

<https://litres.ru/74130407>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о мужчине, который разрывается между долгом и чувством. В эпоху перемен и разрушающихся устоев он ведёт двойную жизнь: старается быть хорошим мужем, но не может забыть Зилю — женщину, с которой его связывает глубокое, выстраданное чувство. Их тайные встречи, робкие надежды и горькие разочарования разворачиваются на фоне Уфы конца 80 х — начала 90 х: пустых прилавков, первых кооперативов, тяжёлой работы и зыбкой неопределённости времени. Осваивает профессию шофёра (вслед за ушедшим отцом), В финале прошлое настигает героя: случайная встреча обнажает горькую правду, а память о былом остаётся с ним — в каждом повороте руля, в каждом взгляде на знакомые улицы.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Зиля

Глава 1.

«Остановка у дома напротив»

Я вёл свой «Икарус» — длинный, угрюмый, будто уставший от всего на свете. В народе его звали «Фантомас»: вытянутый силуэт, потускневшая краска, тяжёлые двери, которые уже почти не закрывались. Запчасти к нему в те нулевые стали редкостью — почти легендой. Но мы ездили. Потому что надо было.

Двадцать девятый маршрут — круг длиной в два часа. Зимой он казался вдвое длиннее. Пассажиров набивалось столько, что автобус будто тяжелел с каждым метром. Мы возили бесплатно, без кондукторов, и от этой «бесплатности» работа становилась даже тяжелее: ответственность будто ложилась прямо на плечи.

Первая остановка — рядом с фирмой «Мир». Я привычно бросил взгляд вперёд, в сторону следующей — у округа Галле. И сразу, почти помимо воли, потянулся глазами к дому напротив. Он стоял там, серый, припорошённый снегом, будто старался слиться с зимним небом. В одном из окон когда-то загорался свет, который я искал глазами каждый день. Там жила она.

Мы познакомились давно, ещё в молодости. Оба были

несвободны: я женат, она замужем. Но жизнь как-то сама свела нас, и между нами вспыхнуло то, что не поддаётся простым словам. Не просто влечение — будто мы друг в друге находили то, чего не хватало в собственной жизни: тишину, понимание, возможность быть настоящими хоть на пару часов. Мы были любовниками, и в те редкие встречи всё остальное будто исчезало. Я помню её смех, тихий, чуть смущённый. Помню, как она, будто стесняясь собственной нежности, прятала лицо у меня на плече. Она была мне невероятно близка — так, что порой казалось, будто без этих встреч я и дышать нормально не могу.

Потом годы шли, и мы всё реже виделись. А потом и вовсе перестали. Жизнь раскидала. Но привычка смотреть на её окна осталась. С каждым разом, когда я не видел там света, внутри становилось чуть холоднее.

Я знал — или, вернее, догадывался уже давно, — что всё плохо. Где-то года три-четыре назад кто-то обронил в разговоре: «Да она теперь на улице живёт» Я тогда будто оглох на секунду. Хотел спросить, уточнить, но слова застряли в горле. А потом стало как-то страшно спрашивать. Будто, если спрошу и услышу правду, она станет окончательной, нерушимой.

Ещё говорили, что она сильно пила. Много, отчаянно, будто пыталась залить какой-то внутренний холод, который уже ничем не вытравить. Я ей когда-то говорил: «Бросай, ну что ты делаешь?» Но она только усмехалась устало: «А что

мне ещё остаётся?» Я-то сам не пил никогда, шофёр — не имеешь права. И оттого ещё больнее было смотреть, как она рушит себя.

На остановке у округа Галле я, как всегда, задержался чуть дольше. Двери скрипели, не желая смыкаться, а я медлил, сам не зная зачем. Может, надеялся увидеть её в проёме подъезда. Может, просто тянул время, чтобы ещё немного верить, что всё в порядке. Дом стоял напротив, спокойный и равнодушный. Окна молчали.

Дальше путь лежал к универмагу «Уфа». И там, прямо возле него, мороз будто ударил в грудь ледяным кулаком.

У обочины стоял УАЗик с прицепом. Тот самый, про который в городе говорили без лишних слов: он собирал «жмуриков». В прицепе, скрючившись от холода, лежала женщина. Снег слегка припорошил её плечи, будто пытался укрыть, как одеялом. Но было уже поздно.

Сердце ухнуло вниз и замерло. Я узнал её.

Ту самую, чьи окна я столько раз высматривал. Ту, с которой мы когда-то были так близки, что казалось — никто друг друга не знает лучше. Теперь думать не надо было. Всё стало ясно и окончательно.

На душе всё перевернулось, будто кто-то вытряхнул из неё всё тепло, оставив только ледяную пустоту. Хотелось выйти, подбежать, сделать хоть что-то. Но делать было нечего. Время будто раскололось на «до» и «после».

Я вышел из автобуса. Ноги налились свинцом, каждый

шаг давался тяжело, будто я шёл по глубокому снегу. Рядом стояли милиционеры — привычные к таким картинам, спокойные, собранные. Для них это была ещё одна зимняя история города. Для меня — обрушившийся мир.

Сбиваясь и торопясь, я заговорил, будто боялся, что слова растают на морозе:

— Это она Она напротив остановки жила, в том доме. В подъезде с облупившейся краской Квартира номер сейчас, сейчас вспомню

Цифры выскочили из головы, как испуганные птицы. Я зажмурился на секунду, выцепил их из памяти и вытолкнул наружу: назвал подъезд, номер квартиры — всё, что знал.

Милиционеры кивали, записывали, смотрели на меня без особого сочувствия — не потому что были чёрствыми, а потому что сочувствие тут не помогало. Оно вообще ничего не могло исправить.

Я вернулся в «Икарус». Салон встретил меня гулом голосов, запахом мокрого меха, чужого дыхания и зимней улицы — обыденностью, которая в ту минуту казалась чужой и нелепой. Я сел на своё место, взялся за руль, чувствуя, как пальцы немеют от холода и от того, что только что произошло.

Автобус тронулся, делая привычный круг. Два часа по городу, мимо домов, остановок, людей, которые жили, спешили, ругались, любили, теряли и снова шли вперёд. А я вёз их дальше, стараясь не думать о том, что только что оставил по-

зади. Но её образ — скрюченный от мороза в прицепе УА-Зика — намертво впечатался в память, как морозный узор на стекле: простой, беспощадный и навсегда.

Глава 2.

«Зиля»

Конец восьмидесятых. Перестройка уже вовсю шевелилась, будто пробуждалась от долгого сна, и воздух был пропитан чем-то новым — не то надеждой, не то тревогой. В магазинах по-прежнему пусто, полки будто стыдились своей наготы, но в карманах у людей стало появляться больше денег — и это меняло всё.

Я тогда с завода ушёл. Работал радиомонтажником: аккуратная работа, тихая, привычная. Зарплата — 100–150 рублей. По тем временам нормально, но не больше. Хватало на жизнь без излишеств, на то, чтобы чувствовать себя ровно, спокойно. А потом друзья позвали на стройку. Первые кооперативы только-только поднимали головы, и там деньги крутились совсем другие. Помню свою первую зарплату в кооперативе — 1000 рублей за две недели. Для меня, привыкшего к сотне с небольшим, это было как гром среди ясного неба. Казалось, что теперь всё пойдёт, всё поедет, страна наконец-то вздохнёт полной грудью.

Мы работали в Дёме. Что именно строили — уже и не вспомню. Скорее, делали ремонт: меняли полы, латали стены, приводили в порядок старые помещения, будто пытались дать им вторую жизнь. Работа была тяжёлая, но живая, настоящая. И платили хорошо — так, что даже при пустых при-

лавках становилось легче: деньги открывали двери, о которых раньше и не думал.

Обед на стройке в те времена был отдельным событием. Не как сейчас — поел и сразу назад, в работу. Тогда обед растягивался, становился почти ритуалом. Ребята — Андрей, Альберт, Ильвар, Ильгиз — почти всегда резались в карты. Для них это было и отдыхом, и разговором, и способом сбросить напряжение. Я к этому делу был равнодушен. В дурака, бывало, играл, но редко, да и то дома, когда делать нечего, с женой или кем-то из родных. А на стройке мне эти посиделки казались лишними. Обед для меня, наоборот, был самым тяжёлым временем: два часа, когда некуда себя деть, когда минуты тянутся, как резина.

Вот и в тот день я не пошёл к ребятам. Просто бродил по объекту, заглядывал в комнаты, где шла работа, будто искал себе какое-то тихое дело, чтобы время быстрее шло. Зашёл в одну комнату — там кипела работа. Парень что-то прибивал, подгонял доски, а рядом с ним ловко управлялась девушка. Движения у неё были уверенные, точные, будто она не впервые держала инструмент в руках.

Я поздоровался. Сначала с парнем, а потом спросил у неё: — Как зовут?

Он что-то ответил, но я не запомнил. А вот её имя осталось в памяти сразу, будто само прилипло:

— Зиля.

Простое имя, мягкое, но в нём слышалась твёрдость —

такая же, как в её движениях. Она посмотрела на меня спокойно, без лишней суеты, кивнула в ответ на приветствие и снова вернулась к делу. И в этом её спокойствии было что-то такое, что заставило меня задержаться на секунду дольше, чем нужно.

Я ещё немного постоял, посмотрел, как они работают, послушал их короткие, деловые фразы, и пошёл дальше. Но имя «Зиля» осталось со мной, звенело где-то на краю сознания. И уже потом, когда я снова проходил мимо той комнаты, я специально замедлял шаг, чтобы снова её увидеть.

Так и началось. Не с громких слов, не с признаний, а с простого «как зовут?» и её спокойного «Зиля». С этого маленького, незаметного момента, который потом перевернул многое.

Глава 3.

«Записка»

После того дня я всё время находил повод пройти мимо той комнаты. Не чтобы помочь — я и так был при деле, да и работы хватало. Просто хотелось увидеть её снова, услышать это короткое, твёрдое «Зиля», заметить, как она чуть приподнимает бровь, когда что-то не по её, как уверенно держит молоток, будто он продолжение её руки.

Я тогда ещё не знал, что парень, с которым она работала бок о бок, был её мужем. Для меня он был просто напарником — суетливым, не разговорчивым, вечно что-то подгонявшим. Я не связывал их ни чем-то особенным во взглядах, ни жестами, ни тем, как они перебрасывались фразами. А она она держалась ровно, без лишних улыбок, но в этом спокойствии было что-то такое, что тянуло к ней сильнее, чем любые громкие слова.

И меня к ней тянуло. Постоянно. Даже не из-за какой-то одной черты, а из-за того, как она умела быть настоящей. В те времена, когда вокруг всё ломалось и менялось, когда люди либо кричали от восторга, либо от обиды, она будто знала, где стоит земля. И мне хотелось стоять рядом.

Как-то раз, когда обед опять растянулся на два часа, а ребята снова сели за карты, я не выдержал. Сел на ящик из-под гвоздей, достал из кармана огрызок карандаша, нашёл

ключок бумаги и вывел: «Давай встретимся после работы». Просто. Прямо. Без выкрутасов.

Передал ей, когда она проходила мимо, делая вид, что просто сверяю список материалов. Она взяла записку, не глядя сунула в карман, кивнула коротко: мол, поняла. И пошла дальше. А у меня сердце колотилось так, будто я не записку передал, а весь свой мир на кон поставил.

Ответ пришёл не сразу. Только к концу дня, когда солнце уже садилось, окрашивая серые стены стройки в ржаво-оранжевый, она подошла и тихо, почти шёпотом, сказала:

— Не получится после работы. Муж не разрешит.

Эти слова ударили неожиданно. Я сперва даже не понял до конца. «Муж не разрешит» — фраза из какой-то другой жизни, из старых фильмов, где женщины спрашивали разрешения, как будто без него нельзя было просто выйти на улицу. В голове не укладывалось.

— А а может, где-то в другом месте? — выдавил я.

Она покачала головой, посмотрела куда-то в сторону, будто искала там нужные слова:

— Только в выходной. Если получится.

И всё. Больше ничего не сказала. Но в этом «если получится» было столько надежды и столько тревоги, что я сразу понял: ей тоже хочется. Не просто «поболтать», не просто «убить время». Ей хочется быть услышанной, увиденной — такой, какая она есть, а не такой, какой её привыкли видеть.

Выходной пришёл, будто нарочно медленно. Я всё время

ловил себя на том, что считаю часы, проверяю, не ошибся ли с местом, не забыл ли, где мы договорились. Мы встретились у старого парка на Горсовете, там, где тропинки ещё не успели залить асфальтом, и снег лежал рыхлый, будто не хотел держаться за землю.

Зиля пришла в простом пальто, воротник поднят, шарф туго завязан. Она выглядела уставшей, но в глазах было что-то новое — будто она наконец-то сняла тяжёлую ношу и теперь могла дышать. Мы пошли по тропинке, не спеша, без спешки, и она вдруг начала рассказывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.